

к. Ад. 10.02.06

Ф76

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А-391

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. И.Н. УЛЬЯНОВА

На правах рукописи
УДК 809.434.4 : 800.853

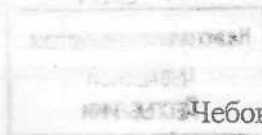
ФОМИН Эдуард Валентинович

**СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОГО СТИЛЯ ЧУВАШСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (1872 - 1917)**

Специальность 10.02.06 – тюркские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Чебоксары

2000

Работа выполнена на кафедре стилистики чувашского языка
Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Н.П. Петров

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Н.И. Егоров

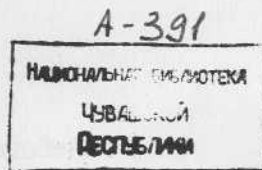
кандидат филологических наук,
доцент В.В. Андреев

Ведущая организация: Чувашский государственный институт
гуманитарных наук.

Защита состоится 27 июня 2000 года в 14.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 064.15.02 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора филологических наук при Чувашском
государственном университете им. И.Н. Ульянова по адресу: 428000
г. Чебоксары, ул. Университетская, 38, корп. 1, ауд. 434.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова:
г. Чебоксары, ул. Университетская, 38, корп. 3.

Автореферат разослан 25 мая 2000 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Ю.М. Виноградов

3 104
КАД 10.02.06
Ф 76

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Эволюция чувашского языка в переломный для него период - период становления литературного варианта - особенно интересна, поскольку именно в это время предопределяется его дальнейшее развитие. До сих пор характеристика литературного языка яковлевского периода не учитывала лингвистической самобытности научных текстов, ограничивалась лишь анализом художественных, богослужебных и публицистических произведений, и, таким образом, при всех достоинствах представлялась несколько односторонней. Настоящая работа призвана восполнить указанные пробелы и скорректировать представления о формировании чувашского литературного языка, сложившиеся в современном чувашеведении.

Исследования в области истории чувашского литературного языка в отличие от родственных ей дисциплин - стилистики и культуры речи, изучающих язык в функциональном аспекте на уровнях текста и языка как системы подсистем (по А.И. Горшкову), - имеют довольно прочные основы, что объясняется в первую очередь многогранностью рассматриваемого объекта и, следовательно, научных подходов (см. работы В.Г. Егорова, С.П. Горского, М.Я. Сироткина, Н.П. Петрова, Л.П. Сергеева, А.А. Алексева и др.).

История литературного языка синтезирует в себе историю, языкознание и литературоведение (В.В. Виноградов). Во всех названных аспектах становление чувашского литературного языка к настоящему времени так или иначе уже описано. В то же время историко-стилистический аспект в данной отрасли до сих пор не был принят как основной. По этой причине в современном чувашском языкознании недостаточно внимания уделяется стилистическим изысканиям, отсутствуют работы, рассматривающие формирование функциональных разновидностей употребления языка.

В чувашской лингвистике, за исключением некоторых авторов, например, Н.П. Петрова, заметно стремление представить литературный язык конца XIX - начала XX вв. как некую гомогенную сущность, обнаруживающую себя тем не менее текстами различного плана. Естественно, такой упрощенный подход к литературному языку не позволяет объективно описать его и ведет к отрывочности результатов.

Научная разновидность чувашского языка яковлевского периода, являющаяся объектом данного диссертационного исследования, до сих пор подвергалась лишь фрагментарному рассмотрению. Пожалуй, только ее поверхностная, видимая часть - терминология - нашла развернутое описание.

* Сочетание яковлевский период применяется для обозначения времени, ограниченного рамками 1872 - 1917 гг. Нормоопределяющим центром чувашского литературного языка в тот период являлась Симбирская учительская школа, возглавляемая И.Я. Яковлевым.

Целями исследования настоящей работы являются описание формирования научного стиля (НС), определение его роли в становлении чувашского литературного языка, выявление характерных лингвистических черт научной речи, что предполагает решение следующих **задач**:

- 1) изучение становления чувашского литературного языка в конце XIX начале XX вв. как системы функциональных разновидностей;
- 2) определение места и роли НС в системе функциональных вариантов чувашского языка яковлевского периода;
- 3) исследование интерференции, проявляемой в чувашских текстах научного содержания;
- 4) установление связей между научным стилем и коммуникативными качествами речи;
- 5) выявление разноуровневых стилеобразующих средств научной разновидности, лингвистически многостороннее изучение процессов становления НС.

Таким образом предопределяется историко-языковой, функционально-стилистический, социолингвистический междисциплинарный подход к изучаемому объекту.

Объект исследования диссертации - научная разновидность употребления чувашского языка яковлевского периода (1872 - 1917 гг.).

Предмет изучения - формирование НС чувашского языка.

Теоретической базой диссертационной работы послужили труды отечественных языковедов В.В. Виноградова, А.И. Горшкова, М.Н. Кожиной, Р.А. Будагова, О.А. Лаптевой, А.Н. Васильевой, Н.П. Петрова, а также ученых пражской лингвистической школы.

Объект исследования и поставленные задачи предопределили применение комплекса **методов**:

1. Контент-анализ литературы - для сбора сведений об объекте исследования.
2. Семантико-стилистический - с целью изучения адекватности выражения оттенкам смысла.
3. Сопоставительный - с целью описания специфики НС путем сравнения его языковых средств со стилеобразующими средствами других разновидностей речи.
4. Статистический - для анализа данных, полученных в результате машинного изучения научных текстов.
5. Исторический - для выявления и исследования закономерностей возникновения, формирования и развития НС в чувашском языке.

Материалом исследования, на анализе которого базируются теоретические положения настоящей работы, являются научные и богослужебные тексты, изданные в период с 1872 по 1917 гг., их жанровое разнообразие - рассказы, беседы, заметки и памятки; евангелия, послания апостолов, Священная история Ветхого и Нового завета. Общий объем статистически анализируемого материала составил более 110 тысяч словоупот-

реблений. При необходимости использован материал художественных произведений и текстов долитературных культового, фольклорного, бытового типов употребления чувашского языка.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые в чувашском языкознании:

- комплексно рассматриваются тексты НС чувашского языка яковлевского периода;
- оценивается роль научной разновидности в становлении чувашского литературного языка;
- определяется языковое содержание научных текстов;
- приводится стилостатистическая характеристика научной разновидности в сравнении с церковно-богослужебным стилем (ЦБС).

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты могут быть использованы при подготовке специальных курсов и составлении учебных пособий по теории и истории чувашского литературного языка, функциональной стилистике, литературному редактированию. Интересным представляется статистический материал: возможно его использование в построении формальной модели чувашского языка, а также при создании его машинного фонда.

На защиту выносятся:

- 1) положение о НС как речевой разновидности употребления чувашского литературного языка;
- 2) выводы об особенностях усвоения иноязычных стилистических явлений;
- 3) результаты количественно-качественных исследований речевой структуры НС в сравнении с ЦБС.

Апробация работы. Основные положения диссертации автором изложены на международных конференциях «И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества» (Чебоксары, 1998), «Финно-угорский мир и XXI в.» (Йошкар-Ола, 1998), региональной научно-практической конференции «Наследие традиционной культуры народов Среднего Поволжья в преддверии XXI века» (Чебоксары, 1998), межвузовской конференции «Актуальные проблемы современного чувашского литературного языка» (Чебоксары, 1999).

Диссертация обсуждена и одобрена на заседании кафедры стилистики чувашского языка Чувашского государственного университета и рекомендована к защите.

По теме диссертационного исследования имеется 7 публикаций.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, примечаний, списка использованной литературы, списка источников фактического материала и приложения, содержащего 24 таблицы и частотный словарь.

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются цели и задачи диссертационного исследования, излагаются основные положения работы.

Первая глава «Полифункциональная сущность чувашского литературного языка» посвящена изучению становления новописьменного литературного варианта чувашского языка как системы функциональных разновидностей. Здесь же рассматривается научная разработка проблем литературно-языкового строительства, происходившая параллельно с формированием самого литературного языка в конце XIX – начале XX вв.

Чувашский язык первой половины XIX в. – отражение духа своего времени: он употреблялся в сферах культа, устной народной словесности, обыденного общения и в этом смысле полностью отвечал потребностям его носителей; выступал в трех диалектных разновидностях; имел письменную форму, но не был представлен в кодифицированном литературном варианте. Оно вошло в историю как время первоначального осознания чувашского языка обществом, логическим продолжением чего явилось зарождение литературного языка. В этом и заключается неопределимое значение данного периода в истории и культуре чувашского народа.

Во второй половине XIX в. в связи со становлением общенародного литературного языка происходит смена стилистических систем: прежняя, представленная культовым, фольклорным, обыденным вариантами, приспособляется к требованиям новой, усиленно развивающейся. Уже к началу XX в. система функциональных стилей чувашского языка предстает в виде единства ЦБС, НС и художественного стиля (ХС). Параллельно с данной системой продолжают функционировать долитературные типы. Такая функциональная двусистемность языка неизбежна на начальном этапе становления его литературной формы. Она обусловлена образовательным уровнем носителей языка: к 1917 году лишь 18 % чувашей являлись в той или иной степени грамотными.

Определяющим сущность чувашского литературного языка яковлевского периода является ЦБС, новая ступень развития типа культовой коммуникации. ЦБ тексты с их строгой нормированностью, канонизованностью явились основным и наиболее благоприятным условием становления литературного языка, что непременно должно было отразиться на языковом наполнении зарождающихся функциональных стилей.

Первоначальное формирование единого наддиалектного фонда языковых средств – необходимое условие их стилистического расслоения в дальнейшем. Применительно к яковлевскому периоду можно говорить только об обозначившихся тенденциях стилистической дифференциации. В чувашском литературном языке того времени преобладали процессы интеграции: в яковлевский период происходит становле-

ние единого национального языка на основе слияния территориальных диалектов с преобладанием низового компонента.

Синтез разнодиалектных средств предполагает их сосуществование часто даже в пределах микротекста: *Пёрре те сав змел сарӑнлӑ (сиенлӑ) пулман* [Чтобы уберечься от холеры... – Симбирск, 1908. – С. 3]; *сёр улми (паранкӑ, картахи)* [Костыгчев П.А. О правильной обработке земли. – Симбирск, 1908. – С. 9]. Иногда диалектизмы подвергаются сращению, переходящему в новое качество, как, например, образование неологизмов-парных слов *аш-какай* собир. мясо, мясные продукты; *уй-хир* собир. поля, пашни, нивы; *вар-хьрӑм* живот, желудок. Сращение разнодиалектных единиц – признак, явно свидетельствующий о достаточно высокой степени интегральных процессов.

Яковлевский период в истории чувашского народа – это время подведения итогов предшествующих попыток книжно-письменного употребления и опыта исследования чувашского языка и вместе с тем начало нового этапа его развития и научной разработки. Итоги старописьменного периода неутешительны, нововведения И.Я. Яковлева позитивны и существенны: сложился принципиально новый взгляд на проблемы функционального развития и исследования чувашского языка.

Научное изучение языковых проблем на рубеже XIX–XX вв. носило открыто выраженный практический характер: языковые и текстовые нормы по преимуществу разрабатывались и фиксировались в литературных произведениях. Незрелость теоретических основ литературного языка, кроме того, объясняется необходимостью быстрого формирования общелитературного фонда языковых средств, сложностью осмысления пока еще непродолжительных процессов сознательного вмешательства в языковое развитие. Наука особого интереса к проблематике литературного языка не проявляла. Она прежде всего преследовала цели изучения языка в общем, отвлеченном от конкретных функциональных проявлений состоянии.

Во второй главе «Статус научной разновидности в стилистической системе чувашского литературного языка яковлевского периода» дается общая характеристика НС, с лингвистических позиций определяется его место и роль в классификации функциональных разновидностей чувашского языка, исследуются иноязычные признаки в речевой ткани НС, устанавливаются отношения между стилем и коммуникативными качествами речи.

Чувашская научная литература конца XIX – начала XX вв. – значимое и значительное явление чувашской письменной культуры, необходимое условие ее становления и совершенствования. Доля научных произведений, датируемых этим временем, составляет 8,7% всех изданий дооктябрьской эпохи – около 50 названий книг и более 80 названий журнальных публикаций. Для ср.: ЦБС в 1872–1917 гг. представлен приблизительно 500 изданиями духовных книг (65%).

Национальную специфику языкового содержания НС определяют следующие условия: 1) требование доступности высказывания; 2) осознание автором утилитарного назначения сообщения.

Доступность сообщения предполагает введение в переводной текст разъясняющей информации. В зависимости от сложности излагаемого содержания, авторских позиций находится уровень насыщенности текста дополнительными сведениями преимущественно в виде внутритекстового комментария, примечаний, отсутствующих в порождающем оригинальном произведении, а иногда и значительных свободных тематических вставок.

Особого внимания заслуживает само отношение переводчиков к научным текстам, складывающееся в противовес напряженной работе над переводами церковно-богослужебной и художественной литературы. Бережное отношение коллектива к слову предполагало бы многоступенчатое редактирование, как это было принято при работе над переводами церковно-богослужебных и иногда художественных произведений. Однако восприятие научной литературы как литературы преходящей, не служащей целям «высокого» эстетического и культового общения сформировало соответствующее отношение к этому типу текстов: с содержательной точки зрения они считались необходимыми, с языковой - не заслуживающими должного внимания.

В свою очередь индивидуальная мысль чаще всего была не в состоянии справиться с многовариантностью единиц в новописьменном литературном языке, сложностью перевода терминологии, несоответствием синтаксического строя чувашского и русского языков и др. Индивидуальные навыки литературного употребления чувашского языка были еще не столь прочны и совершенны, чтобы можно было отказаться от традиционного механизма коллективного редактирования.

В речевом плане НС чувашского языка находится в зависимости от первоначально реализованных ЦБС и ХС и в то же время явно противопоставляется одному из них - ЦБС.

Что касается отношений между НС и ХС, то представляется возможным их объединение в единое стилевое образование, создаваемое общностью лингвистического содержания на основе совпадения коммуникативных целей - необходимостью популяризации знаний.

Согласно модели развития новописьменной чувашской культуры - от переводной литературы к оригинальной, - складывается литературный язык, сочетающий европейские и чувашские традиции. Проникновение первичной основы прослеживается в двух плоскостях: 1) текстовой и 2) собственно языковой.

Появление отвечающей природе чувашского языка письменности создало условия закрепления композиционных характеристик произведения, способствовало развитию видов изложения - описания, повествования, рассуждения. Интенсификация наиболее благотворно сказалась

на рассуждении, которое в сферах устной народной словесности и обычного общения даже сравнительно с категориями одного и того же порядка - описанием и повествованием - в редких случаях подвергалось последовательной монологизации.

Согласно модели развития новописьменной чувашской культуры - от переводной литературы к оригинальной, - сложился литературный язык, сочетающий европейские и чувашские традиции. Проникновение первичной основы прослеживается в двух плоскостях: 1) текстовой и 2) собственно языковой. Иноязычное присутствие особенно заметно в текстах НС, причем более всего на уровне языковых единиц.

Орфографическая и пунктуационная интерференция была предопределена первичной реализацией церковно-богослужебной литературы, требовавшей соблюдения информационной точности в оригинальном и производном текстах и выражалась в орфографии - в сохранении иноязычного написания заимствуемой единицы: *бълок, доктор, революция, Япония, «Таван сёр-шьыв» (La patrie) тиекен хăмнă* [Сывăйша парăнтарни // Султааӳк кенеки.- Хусан, 1911.- С.16]; в пунктуации - в употреблении знаков препинания согласно русской пунктуации, вне учета истинных логических связей чувашского высказывания: *Лаиша пăрахнă тĕле ситсен, лаиши пуçĕ-шăмми ашĕнчен пĕр сĕлен тухса тĕрех Олега сăкса вĕлернĕ, тет* [Рассказы из русской истории.- Казань, 1888.- С.47] Говорят, когда Олег подошел к останкам своей лошади, его ужалила выползшая оттуда змея; *Сăвара тухнă шатра хăмписем, пĕвĕр пулса ситсесĕн, сурăла-сурăла каясĕ те, пĕвĕрĕ вара пыра кайса йткене анать* [Советы матерям... - 1897.- С. 4] Находящиеся во рту гнойные оспины лопаются, и гной по трахеям стекает в легкие.

Многообразными лексико-фразеологическими иноязычными единицами, представляющими собой неанализируемые и анализируемые нововведения, проявляется в чувашском научном тексте лексическая интерференция (макаронизмы): *Варягсем Балтийский тинĕсĕн леш енче Скандинавский полуостров сине пурăннă* [Рассказы из русской истории.- Казань, 1882.- С.8]; фонетически неосвоенные заимствования: *автомобиль, велосипед, кислота, хлорофилл, Азия, Индия, Париж*; словообразовательные и фразеологические кальки: *вайсаӳрлăх < бессилие, хĕрлĕ хĕвел < красное солнышко; фонетически освоенные заимствования: лекĕр < лекарь, крепăç < крепость*). Особо обращает на себя внимание широкое использование русской терминологии в неанализируемой форме. Это отчасти связано со сложностью ее перевода, но в большей степени - с необходимостью содержательной адекватности первичного и вторичного текстов.

Положительную роль в развитии чувашского языка сыграла интерференция в области словообразования. Здесь не наблюдается прямого, а потому непонятного носителям языка, переноса тех или иных единиц и конструкций. Суть словообразовательной интерференции здесь заключается в стимуляции развития имеющейся системы, что выражается, во-

первых, в активизации словопроизводства с помощью аффиксов -лăх/-лĕх, -çă/-çĕ, -у/-ÿ и некот. др.; во-вторых, в появлении новой продуктивной словообразовательной модели: **осн. слова + словоизм. афф. + словообр. афф. = имя сущ.** (йĕркесĕрлĕх, вайсăрлăх).

Большая часть грамматической интерференции связана с особенностями употребления категорий множественного числа. В НС предпочтение отдавалось форме множественного числа, тогда как в чувашском языке грамматическая категория множественности являлась менее развитой. Не составляли исключения даже слова с собирательным значением, грамматический показатель множественности при которых излишен и не допускается современными нормами: **Кĕтмĕлсене, арпуссене, йĕçĕм сьрлисене, хăярсене, тата ытти савăн пек ялаласене те** (< ягоды брусники, арбуза, винограда, а также огурцы и другие дары природы) *çиеччен малтан вĕретсе сивĕтнĕ шывпа пит лайăх суса тасатас пулат* [Касаткин М. Халер чирĕнчен... - Казань, 1908.- С. 2], предпочтительный вариант: **Кĕтмĕле, арбуса, йĕçĕм сьрлине, хăяра тата ытти савăн пек ялалана та çийиçчен малтан вĕретсе сивĕтнĕ шывпа пит лайăх суса тасатас пулат**.

Другая интерферентная особенность высказывания в НС – экспансия смыслового согласования, выделяющаяся на фоне преимущественной формально-грамматической связи словоформ в иноязычных условиях: согласование во множественном числе 1) определяемого слова и определения со значением множественности: *Славянсем ун чух тумланса килĕрен тĕрлĕ сĕмçĕсем* (вм. тĕрлĕ сĕмĕс) *пухса çĕренĕ* [Рассказы из русской истории.- Казань, 1882.- С. 6]; 2) однородных подлежащих со сказуемым: **Çил, сĕмĕр, хĕвел, сивĕ темĕн пысăкăш чул тăвĕсене пĕчĕкçĕн пĕчĕкçĕн салатса вĕт сĕççĕ хăйĕр туса хăварасçĕ** (-ать) [Горбунов Н. Как узнавать почву.- Симбирск, 1910.- С.4]; 3) подлежащего с лексическим значением множественности со сказуемым: **Хăшĕ тата пĕлме те лайăх пĕлесçĕ** (-ет) *пек, ёслеме те вайне шеллемесçĕ* (-ест) [О разведении хлеба.- Симбирск, 1905.- С. 5].

Авторы/переводчики непоследовательны в выборе способа связи, часто переходят с родной языковой системы на русскую и наоборот, следствием чего является сосуществование в научных текстах синтагм, представляющих обе разновидности подчинительной связи: *Çăваш хушинче сывă куçлă сын пит сахал. Вĕсенчен сурри ытла куçпа атраса пуранасçĕ* (- ать) [Вишневатский С.М. О том, как избавляться... Казань, 1904.- С.1].

Надо отметить, что в процессе перевода на чувашский язык церковно-богослужебной и художественной литературы удачно был совершен переход от диалогической организации текста к монологической; в результате были созданы удачные образцы литературного употребления чувашского языка, на которые можно было ориентироваться (см.: Новый завет, детские рассказы в учебниках И.Я. Яковлева). Что касается науч-

ной литературы, работа над переводами которой происходила одновременно с переводами литургических и художественных текстов, то здесь этот переход был менее удачным: речевая ткань научного текста насыщена элементами чувашской разговорной речи, по преимуществу диалогической. (Интересно заметить, первые оригинальные художественные и публицистические произведения так же испытывают сильное влияние разговорной речи (см. рассказы Игн. Иванова, И. Юркина, М. Петрова и др.).

Понятие о культуре речи в чувашской лингвистике, как, впрочем, и в русской, складывалось параллельно с формированием литературного языка и фактически сводилось к ортологии. Знания об остальных речевых качествах - точности, логичности, чистоте, выразительности, уместности, богатстве - носили скрытый характер.

В идеале связи научно-популярного (под)стиля с коммуникативными качествами речи должны быть следующими: правильность - да, точность - да, логичность - да, чистота - да, выразительность - да, богатство - не очень. В реальности НС яковлевского периода на вопрос-поддерживает ли стиль данное коммуникативное качество речи-чаще всего дает отрицательные ответы.

В лингвистическом плане научный текст, образно говоря, - своего рода «черновик», предшествующий оформлению «на бело» литургических и художественных текстов: в научных произведениях, отличающихся временной актуальностью, предварительное практическое изучение потенциальных литературно-языковых единиц выражено эксплицитно; в «образцовой» церковно-богослужебной и художественной литературе практическое знание, как правило, констатируется безапелляционно.

И «черновик», и «беловик» есть суть литературно-языковая. Такое широкое понимание границ литературного языка в период его становления позволяет оценить многие «незаконные» языковые единицы как уместные.

Таков усредненный стилистический образ НС чувашского языка яковлевского периода, образ специфичный, установленный на основе отношений научной разновидности к коммуникативным качествам речи и, естественно, неполный. Исчерпывающее описание его возможно лишь при учете глубинных внутрилингвистических черт. Хотя организация языковых единиц в особую устойчивую речевую системность в условиях формирующегося стилистического сомнительна, все же научная литература, надо полагать, в той или иной степени обладает присущими ей преимущественными свойствами. Выявлению и описанию и этих свойств посвящена **глава третья - «Стилеобразующие средства научной разновидности чувашского языка».**

«Фоностилистические средства научной речи» (§ 3.1). Изучение таких фонетико-графических свойств НС, как средняя длина словоформы, частотность букв, установление соотношения графем, означающих гласные и

согласные звуки, наблюдения над проявлениями закона сингармонизма свидетельствуют о стилистической несостоятельности единиц фонетического уровня: полученные количественные характеристики практически не отличаются. Фонетика чувашского языка, обладающая богатыми возможностями создавать звукообразы, в период становления новописьменного литературного языка не была вовлечена в начавшееся стилистическое распределение средств. Существовали другие более важные проблемы - проблема смысловой адекватности лексических, словообразовательных и грамматических единиц выражаемому содержанию. В условиях устойчивой фонетико-графической согласованности как таковой необходимости в повторных обращениях к данному уровню языковой системы не возникало.

«Лексические единицы в их отношении к стилю» (§ 3.2). Лексика важна в создании структурного значения высказывания, на ее основе функционально определяются и раскрываются свойства как самой лексики, так и других языковых уровней, иначе говоря, лексические единицы представляют собой исходную точку отсчета стилистического своеобразия речи. Способность объединять в едином стилевом пространстве средства всех уровней - важное качество лексики, неизвестное другим языковым ярусам. (Вероятно, неразличением фонового - структурного - и функционального значений объясняется ложный ореол стилистического превосходства лексики над всеми остальными. Идентификация стиля происходит на основе учета целого комплекса разноуровневых признаков, а не только на основе примет какого-либо одного уровня).

Стилеорганизующее значение слова, согласно преобладающим экстралингвистическим условиям, в различных речевых произведениях может иметь различную степень актуализации. Но участие общеупотребительной лексики в стилеобразовании вследствие ее многообразной реализации трудноуловимо. Собственно стилистическую природу в большей степени имеют заимствования и иноязычные вкрапления, имена собственные, в меньшей - терминология. Необходимо заметить, что начальная зона частотного словаря НС, состоящая из 100 лексем и покрывающая словарь на 57,02 %, не включает терминологию. Большинство активных в речи лексических единиц - единицы «вспомогательные», непреднамеренно обязательные.

Особенности чувашской научной терминологии начала XX в. таковы: она непоследовательна (поскольку порождающая ее литература - обрывочное популярное переложение систематизированных на русском языке знаний); не имеет точных дефиниций (авторы и переводчики обходятся приблизительными пояснениями: *Докторсем çав чир пит вĕтĕ хурт-кăпшанкăсенчен пулать теççĕ: вĕсене куçпа пăхса курас çук, пит хытă пыçăк кăтартакан тĕкĕр (микроскоп) витĕр пăхсассăн анчах курăнаççĕ. Çав чума чирĕ хурчĕсем тĕкĕр витĕр пăхсассăн пит пĕчикçĕ, йĕпрен те çинченĕн курăнаççĕ,*

вĕсене бацилласем теççĕ; Бацилла тени чăвашла патак тени пулать [Чума, распознавание этой болезни.- Казань, 1897.- С. 21]); очень часто макаронична (*Индияра «азиатская» тиекен халерпе чирлекен яланах пит нумай* [Чтобы уберечься от холеры...Симбирск, 1908.- С. 1]; *пĕтĕмпех тĕрĕс тумашкăн кашни виçĕ сул урлă тăваттăмĕш султа февраль уйăхĕ сÿмне пĕр кун хушаççĕ, вăл сула «високосный сул» теççĕ* [Беседы о земле и о небе.- Казань, 1906.- С. 39]).

Вряд ли функционально исполненное отношение авторов к общеупотребительным словам и словосочетаниям, причастиям на *-акан*, метафоризированной специальной лексике и калькированным фразеологизмам носителями языка воспринималось как терминологичное. Тому препятствовало одновременное существование их обыденных омонимичных форм. Безусловно терминологичными остаются аффиксальные неологизмы и заимствованные термины. Аффиксальнообразованная научная терминология практически ничем не отличается от неологизмов ЦБС. По этой причине иногда говорят о церковно-богослужбных терминах.

Показатель содержательной конкретности НС, полученный результате исследования словаря, равен 0,934, т.е. НС характеризуется как стиль стремящийся к конкретным лексическим средствам мыслевыражения. Вычисления проводились по формуле: $K_p = \Sigma K_{pф} / (\Sigma K_{pф} + \Sigma A_{pф})$, где Σ - сумма, $K_{pф}$ - конкретные речевые формы, $A_{pф}$ - абстрактные речевые формы [Кожина 1972, с. 267]: $K_p = 679 / 679 + 48 = 0,934$, следовательно, $A_p = 0,066$. Между тем, $K_p \text{ ЦБС} = 333 / 275 + 58 = 0,823$, следовательно, $A_p = 0,174$.

Незначительные цифровые выражения абстрактности при качественном рассмотрении оказываются важными и явно проявляемыми стилеопределяющими параметрами: при преимущественной содержательной конкретности обеих разновидностей литературного языка богослужбный стиль признается явлением более отвлеченным, научный - более конкретным.

Абстрактность НС в 0,066 создается активностью корневых отвлеченных лексических единиц, входящих в активный запас, как, например, *кăмăл, намăс, пархатар, телей, хурлăх*. Количество таких лексем незначительно: в языке с прерывающимися традициями письменной культуры не были созданы условия порождения и сохранения отвлеченной лексики. Обращение к иноязычным единицам, их механический перенос, при необходимости дефиниции новых явлений и понятий замедляло появление абстрактных неологизмов в научной литературе, датируемой концом XIX - началом XX вв.

Совершенно противоположные условия функционирования ЦБС - экстралингвистические требования, которые образно можно назвать требованиями осуществления превосходной речи, - поддерживают стремление к содержательной отвлеченности языковых средств стиля культового общения.

Как оказалось, имя собственное принимает активное участие в стилеобразовании. Его доля в церковно-богослужебной литературе - 0,0599539. Данное значение превосходит долю имени собственного в научном произведении, выраженного числом 0,0202098. Это и есть то количество, которое в сочетании с изначальным качеством (имя собственное в ЦБС отличается от привычного имени в НС необычностью звучания, архаичностью), составляет новое стилистическое качество: ЦБС в буквальном смысле носит непривычно-именной характер, НС менее интенсивен в употреблении имени и притом имени традиционного.

«Стилехарактеризующие словообразовательные форманты научной речи» (§ 3.3). Деривационный образ НС имеет много совпадений с ЦБС: здесь продуктивны те же самые словообразовательные образцы, ему характерно то же самое соотношение имя- и глаголообразующих моделей и та же самая частотность производных глаголов и имен в речи. Расположение аффиксов по убывающему значению частоты с некоторыми отступлениями соответствует расположению словообразовательных формантов научного стиля.

Количественные различия, которые позволяют судить о своеобразии речевых разновидностей, наглядно проступают при сравнении конкретных показателей некоторых стилистически избранных аффиксов, и прежде всего аффиксов, образующих имена существительные. Неслучайно форманты -лăх/-лĕх, -ăм/-ĕм, -çă/-çĕ, -ав/-ев, -у/-ÿ становились, и остаются до сих пор, основным объектом чувашских историко-языковых изысканий в области словообразования. Их активность очевидна даже без статистических обоснований.

Продуктивность моделей с участием перечисленных формантов вызвана необходимостью дефиниции новых понятий церковного культа классическими средствами чувашского языка, ибо, повторимся еще раз, Библия создавалась на века, и осознание вечности творимого на чувашском языке библейского слова предполагало соответственное к нему отношение. Такие требования не выдвигались в сфере научного общения, и новые понятия здесь не получали чувашских названий, терминология чаще всего просто заимствовалась или переносилась в неассимилированной форме. Таким образом, потенциальные слова в научной литературе так и оставались потенциальными, невостребованными. Но именно благодаря этой особенности НС, если не замечать иноязычных вкраплений, сохраняются более близкие отношения между ним и обыденной речью. В

то же время ЦБС осознается более искусственным образованием. И искусственность эта в первую очередь создавалась широким вовлечением названных аффиксов в словообразование, в некоторых случаях подчеркнута стилистически использованных.

Надо сказать, что слова на -лăх/-лĕх, -çă/-çĕ, -ăм/-ĕм, -ав/-ев, применяемые в научной речи, чаще всего конкретны по значению и по большей части входят в активный устоявшийся пласт чувашского языка: *хурлăх, пурлăх, кĕтĕçĕ, хăпарту, парăм, уйрăм, пĕлĕм, тĕçĕм, мухтав, пăлхав, хунав* и др. Прямую противоположность составляет церковно-богослужебный стиль, где подавляющее большинство аффиксных образований именных частей речи - неологизмы с абстрактной семантикой, практически на выходящие за пределы установившихся стилевых границ: *аслăлăх, канăçлăх, мухтавлăх, хастарлăх, каçару, курăну, çĕрĕ, тивĕçлĕх, хĕркенĕ, вилĕм, пĕтĕм, тĕçĕм, ултав* и др.

Совершенно неожиданно ситуативно привязанной оказалась лексика, образованная с помощью аффиксов глаголообразования со значением возвратности и взаимности действия -ăн (*тăкăн*), -ăл (*сарăл*), -ĕш (*чикĕш*), -ăç (*явăç*) и значением понудительности -ар (*шăтар*), -(т)тар (*тумлантар, шлеттер*), -ат (*тăрат*). Представленность первых в речевой ткани НС в два раза выше, чем в церковно-богослужебном: с одной стороны, в научной речи, их доля достигает 0,22014; с другой, в речи церковной - 0,10520. Глаголы со значением понудительности наоборот преобладают в богослужебном стиле - 0,29731 и менее приметны в научном изложении - 0,17986.

Стилистико-содержательная потенция, заложенная в аффиксальные словообразовательные средства чувашского языка, получила сильное развитие в сфере богослужения, была поддержана научной речью, но открытость ее, научной речи, многообразным словообразовательным моделям являлась не столь последовательной и настоятельной, чтобы дать возможность должным аффиксам оформиться в положительные стилевые признаки. Пока что НС при сопоставлении с церковно-богослужебным характеризуется отрицательными приметами.

«Стилистические доминанты морфологического уровня» (§ 3.4). Чувашский литературный язык яковлевского периода подтверждает справедливо критикуемое в настоящее время положение, согласно которому «морфология (в отличие от лексики и синтаксиса) считается нестилеобразующим ярусом языка» [Кожина М.Н. О речевой системности... - Пермь, 1972. - С. 9]. Многие категории морфологического уровня, уровня фундаментального, тогда еще представляли стилистически невыразительную прослойку, и в речевой ткани новописьменного литературного языка, с его явно выраженным стремлением к интегральному существованию, немногочисленные stileобразующие морфологические средства, которые все же выделялись, оказывались малоприметными.

Предварительные статистические исследования в разряд особо отмеченных позволяют отнести следующие морфологические явления НС: ограниченное употребление местоимений, преобладание числительных, ведение речи в настоящем времени.

Морфологические черты стилей, получаемые в результате словоклассификации, естественно, характеризуются различными параметрами, но чаще всего это не те существенные отличия, которые говорили бы о стилистической отмеченности явлений. Свообразным речевым поведением отличаются лишь местоимения и числительные: первые, в сравнении с ЦБС и публицистикой, - пассивностью, вторые - высокой частотностью.

Частота употребления местоимений в научном стиле (8,83) в два раза ниже, чем в церковной литературе (17,33), и заметно уступает частоте местоимений в публицистике (11,20). Их преобладание в ЦБС вызвано тем, что во-первых, его речевая ткань обильно включает в себя конструкции с прямой речью, имитирующими живое общение; во-вторых, в Новом завете часто прямое обращение к адресату и вовлечение его в повествование, например: *Эсир пѣлместѣр-и-мѣн, эцир, Иисус Христос ячѣне тѣне кѣнисем, пурсѣмѣр та Унѣн вилѣмне асѣнса тѣне кѣрсе Унпа пѣрле пытарѣннѣ* [Павел апостолѣн малтанки сырѣв// Пирѣн Туррѣмѣр ... - Чѣмпѣр, 1911.- С. 346].

Активность местоимений в ЦБС вкрупне с графическим выделением начальных букв существительных и местоимений, относящихся к Богу и Иисусу Христу, подчеркивает их особую стилистическую отмеченность. Прямо противопоставляемое традициям ЦБС рядовое, обыденное участие местоимений в НС также возводит их в ранг стилевого признака.

В формализованном цифровом выражении числительных видится редкая в НС чувашского литературного языка конца XIX - начала XX вв. реализация истинных назначений НС - беспристрастного обмена точной проверенной информацией. Частое употребление цифровых «числительных» вызвано схематичностью и техничностью научного повествования и строгой логичной наглядностью самого цифрового обозначения. Последнее качество позволяет композиционно упорядочить смысловое содержание произведения. С другой стороны, появляется возможность информационной конденсации и экономии средств.

Что касается ситуативно дифференцированного использования категории времени, то оно было характерно литературной речи изначально. Такое избирательное обращение к конкретной форме диктовалось не необходимостью стилеразличения, а обуславливалось самой спецификой грамматического выражения времени в чувашском языке. Соответственно содержанию объекта и предмета высказывания происходит выбор формы грамматического выражения времени, которое в результате частого повторения начинает обнаруживать стилистическую прикреплённость. НС из всех возможных временных форм ведения речи предпочитает форму настоящего времени, ЦБС - прошедшего неочевидного.

«Значимые синтаксические структуры научного стиля» (§ 3.5) Чувашский язык - язык функционально ориентированный на европейские, и его ситуативное выражение будет, в той или иной мере уточняясь, соответствовать стилевому содержанию языков европейского типа. В большей степени под влиянием других литературных языков, в которых уже установлена предпочтительная связь между языком и основными стилепределяющими чертами - религиозно-образной конкретизацией в сфере культурного общения, отвлеченно-обобщенностью и логичностью в области научной коммуникации - и в меньшей степени самостоятельным авторским учетом действий экстралингвистических факторов в пределах возможностей, предоставляемых языком, складывается грамматический образ чувашского НС, отличный, с одной стороны, от ЦБС, с другой - от родственной, например, русской научной речи. В отношении к чувашскому литературному языку яковлевского периода сложно говорить об устоявшихся синтаксических традициях функционирования чувашского языка.

Сопоставительные исследования НС и ЦБС показали, что стилистически существенным здесь может быть признан незначительный круг синтаксических примет: различное соотношение простых и сложных синтаксических единиц, активность/пассивность конструкций с прямой речью, неоднородная распределенность предложений по цели высказывания, различны длины предложения и абзаца, регулярность/случайность осложненных обращением предложений.

Письменные памятники вековой давности подтверждают интуитивно понимаемое национальное своеобразие синтаксиса, заключающееся в преимущественной сложноструктурности чувашского предложения. Установлено, что в ЦБС преобладают сложнопредложные конструкции, их доля в среднем достигает 81 %, в НС уровень представленности сложных синтаксических единиц составляет 64 %. Соотносительно этих цифр складывается долевое значение простых предложений в текстообразовании: в первом оно равно 19 %, во втором - 36 %. Это значит, что ЦБС стремится к мыслевыражению сложными конструкциями, а НС выделяется уравнивающимися тенденциями в употреблении простых и сложных предложений. Преобладание сложных синтаксических единиц объясняется структурными особенностями чувашского языка, проявления же функционально-стилистического начала ограничиваются возможностями незначительно уточнять их.

В соответствии с простотой и усложненностью конструкций складывается первичное впечатление о синтаксисе НС и ЦБС, ибо эти качества, как качества поверхностные и доступные, в первую очередь сказываются на идентификации.

Преимущественная частота многопредложных конструкций ко всему прочему предполагает большую информационную насыщенность синтаксических единиц ЦБС и таким образом усиливает их стилеразличающую функцию относительно НС.

A-391

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ЧУВАШСКИЙ

Стилистическая самобытность речевых разновидностей особенно четко прослеживается в различии способов введения в высказывание чужой речи. В ЦБС чужая речь представлена, как правило, графически особо оформленной - без заключения в кавычки, что и усиливает выразительное стиливое своеобразие данного признака. Но самое главное с точки зрения стилиевой дифференциации - высокое значение доли предложений с прямой речью в синтаксисе Нового завета (23,00%), уступающие лишь бессоюзным предложениям с их показателем в 32,17%.

Совершенно иными качествами характеризуется НС. Здесь чужая речь в равной мере представлена предложениями и с прямой и с косвенной речью, часто неразличившихся вследствие эффекта предварительного обдумывания высказываемого содержания: *Кус пасапа пуласанах «аех тирлене-ха» теое пуранма юрамасть...* [Вишневский Указ. соч., с. 5]; *Эсир пурар та энэ хуиня нек пуранса уой курсан кайран мана хаварах «таватпу» кайар* [Вишневский Указ. соч., с. 8]. В приведенных фразах отмеченные отрезки являются косвенной речью, и выделение их кавычками излишне.

В синтаксической структуре НС предложения с прямой речью представлены 6%, долей, почти в четыре раза уступающей данному признаку в библейской литературе. По уровню стилиеорганизующей значимости этот вид предложений занимает место, чуть ли не замыкающее частотный список: показатели ниже имеют только однородные предложения - 4,43%.

Наблюдаемая различная степень активности конструкций с прямой речью объясняется особенностями развертывания содержания, диктуемыми жанрово-стилистической самобытностью текстов: Библия - история в лицах и событиях, по преимуществу повествовательно изложенная; популярная научная литература - беседа рассудительно-описательного типа.

НС и ЦБС в словесной длине синтаксических единиц различаются незначительно и на первый взгляд лишены этого наглядного стилистического признака. Однако сравнение суммарной доли предложений длиной в 15-22, 50 и более слов, в ЦБС принимающих активное участие в обеспечении 70-процентной покрываемости текста, и, следовательно, более пассивных в научном произведении, говорит в пользу стилистического признания данного показателя: предложение в НС заметно короче, чем в ЦБС.

Реального превосходства в длине разностилевых предложений не наблюдается. Оно создается высокой частотой предложений с большей длиной именно в ЦБС. Вполне может быть, что положительной или отрицательной стилистической оценке словесной длины предложения применительно к различным стилям способствует уровень допустимости в них объемных синтаксических структур длиной в 50 и более словоупотреблений. Такие предложения ЦБС во всех отношениях превосходят подобные единицы НС: во-первых, они характеризуются большей относительной частотой - 0,037 в ЦБС против 0,006 в НС; во-вторых, сама длина этих предложений-гигантов в научной литературе уступает их величине в библейском повествовании - средняя величина таких предложений в НС составляет 57,50 слова, в Новом завете - 62,77. Разница в пять лексических единиц при больших различиях в частоте длинных предложений в НС и ЦБС в конечном итоге приводит к большому качественному отрыву, которые заставляют признавать различие в словесном объеме предложений как важный стилиеразличающий признак.

Следующее стилистически значимое явление - абзац. Дистанция НС и ЦБС в показателях величин абзаца более чем ощутимая: 10,18 предложения в библейском тексте, 5,54 - в научном. Разница в 2 раза сохраняется и в его словесной длине: в первом он достигает 153,99 слов; во втором равняется 75,90 словоупотреблениям. Столь высокие различия в объемах данной графически выделяемой структурной единицы неслучайны. Религиозно-образная конкретизация предполагает обычно привязанное к сюжету последовательное, подробное ведение речи, замедляет движение мысли, придает ей статичность. Такова богослужбная речь. В противоположность доминанта НС - логичность - стремится конденсировать мысль, предельно четко и лаконично объяснить ее. Эта черта, определенным образом трансформируясь, организует стиль также в его популярном варианте. Повествование, присутствующее здесь в исторических и оригинальных текстах, увеличивает длину абзаца, и она в них заметно выше, чем в других тематических группах.

Популярное изложение научных истин, по большей части преследующее чисто информативно-утилитарные цели, не может быть представлено вне частого абзацирования. Примером предельно дробного научного изложения может послужить книга М. Касаткина «Халер чиренчен епле сыхланса пуранасси синчен верентсе калани» (1908), где каждая рекомендация оформляется в виде абзаца. В итоге его средняя длина характеризуется предельно низкими показателями: 1,08 предложениями, 18,46 словоупотреблениями.

Уменьшению объема абзаца научного произведения способствует также абзацирование прямой речи (см.: «Беседы о земле и о небе» (1906), в которой длина абзаца вследствие диалогичности содержания соответствует незначительным величинам: 3,09 предложениям и 38,53 словам). В свою очередь прямая речь в ЦБС, доля которой здесь значительна - 0,23, оформляется линейно и таким образом активно поддерживает высокие количественные показатели абзаца.

По цели высказывания чувашское предложение в НС предельно однородно: 98,46% всех предложений являются повествовательными, из них восклицательные составляют 0,85%. Доля вопросительного предложения ничтожно мала - 1,54%.

По цели высказывания чувашское предложение в НС предельно однородно: 98,46% всех предложений являются повествовательными, из них восклицательные составляют 0,85%. Доля вопросительного предложения ничтожно мала - 1,54%.

Сам по себе вопрос в речевой ткани НС не популярен. Вопрос обычно ставится и находит разрешение уже на докоммуникативном этапе научной деятельности. В популярной научной литературе вопрос, зачастую ярко риторичный или эмоционально окрашенный, служит приемом, привлекающим внимание аудитории: *Менши ел трахома, менле чир? Ку чире пелмен сын та сук пуле...* [Глазная болезнь - трахома.- Казань, 1898.- С.3]; *Меншен*

Чăвашра анчах кăсăр сын нумай-ши? Чăвашем пурăнма пĕлмесĕ [Вишневский Указ соч, с. 1].

Более насыщены восклицательными и вопросительными высказываниями ЦБС, 88,05 % которого составляют повествовательные предложения, в свою очередь часть их в 3,55 % признается восклицательной, доля вопросительных высказываний - 11,95 %. Если считать, что речь генетически повествовательна, то эти качества стиля культурного общения следует признать высокими показателями.

Обращение НС и ЦБС воспринимается как случайный элемент в первом и оценивается как обязательный атрибут в последнем. Коэффициент его распространенности в ЦБС равен 1: обращение встретилось во всех исследованных выборках. В то же время коэффициент распространенности обращения в научной литературе принимает очень маленькую величину - 0,14: из обследованных источников данный признак обнаружен только в двух.

Высокая частота обращения в сфере религиозной коммуникации вызвана все той же необходимостью эмоционального воздействия на сознание верующих. Оно также является естественным компонентом прямой речи. Обращение, существующее в отношениях между адресантом и адресатом как средство выразительности, подчеркнутое к тому же междометием *эй* и усиленное определением, реализуется в жанре посланий. *Эй саянă тăванăмсем, ан улталанăр* [Иаков апостол сыравĕ // Пирĕн Туррамăр... Чĕмпĕр, 1911.- С. 307]; *Эй сăмăл шухайшăн! Ырă ёсĕр ёненĕ вилĕне пĕрех, эсĕ апа пĕлесиĕн мар-и?* [Там же, с. 309].

Как естественный компонент прямой речи обращение выступает в Новом завете: *Ангел апа каланă: ан хăра, Мария; Эсĕ Турăран тивлет илтĕн, акă Эсĕ йывăр сын пулса Ывăл Ача суратăн...* [Лука сырнă таса евангели // Пирĕн Туррамăр... Чĕмпĕр, 1911.- С. 112].

Обращение в тех же функциях, но значительно уступающее в интенсивности и предельно техничное в языковом содержании представлено в НС: *Йтлĕр, апа амăшĕсем! Кирек кам та сирĕн хушăмăртан пĕрин-марин ачийĕ шатрапа чирлесе вилсĕсен вăлтит пысăк хушă кĕрет, кирек камăн та хайĕн ачине хайĕ вĕлерес килмест. Çак вилĕмрен ачăрсене епле те пулсан сăла хăварасси синчен шухайшласа пăхăр-ха, тăванăмсем!* [Советы 1897, с. 6]; *«Эпĕ ак мĕн синчен шухайшаттăм, Петр Алексеевич, пĕрре хĕвел тĕттĕмленес умĕн пĕр салтак хăран хĕвел тĕттĕмленессе синчен кенеке тăрăх малтан-ах каласа кăтартнă тет; чăн-и вăл?» тетĕн* [Беседы о земле и о небе.- Казань, 1906.- С. 49].

Данная синтаксическая категория, не рассматривавшаяся до настоящего времени как стилихарактеризующий признак, в действительности является таковым. Более того, благодаря обязательности и эмоциональности в ЦБС, случайности и техничности в НС обращение становится сильным стилиразличающим параметром.

При интервальной оценке наблюдаемых синтаксических явлений, нижние и верхние статистические границы которых отличаются в 2 - 5 и даже

более раз, сложно говорить об устоявшихся синтаксических традициях функционирования чувашского языка. Синтаксические признаки, действительно варьируемые в широких пределах, каждый раз обнаруживают подчинение основным тенденциям.

Интересная закономерность, наблюдаемая в стилевой дифференциации синтаксических средств чувашского языка в конце XIX - начале XX вв.: ситуативно отмеченные единицы за исключением частотности простого предложения и различий в объеме синтаксических конструкций - предложения и абзаца - эмоционально-экспрессивно обусловлены и выражаются в активности или пассивности конструкций с прямой речью, неравномерном распределении предложений по цели высказывания, в различной частоте употребления обращений. Неэмотивные, неэкспрессивные синтаксические свойства - сложносочиненные, сложноподчиненные, бессоюзные и однородные предложения - как оказалось, пока еще не отличаются стилистической прикреплённостью. Ярко прослеживаемая эмотивно-экспрессивная основа функционально-стилевой дифференциации еще раз подтверждает мысль о преемственности и тесной взаимосвязанности долитературных типов и литературных стилей чувашского языка и точно устанавливает уровень его развитости как языка с преобладанием функционально гомогенных черт.

В **заключении** изложены результаты проведенного исследования.

1. Одним из важнейших периодов эволюции чувашского языка является становление его литературного варианта. Суть данного процесса заключается в европеизации долитературных типов существования чувашского языка под сильным влиянием русских книжно-письменных традиций, т.е. в формировании его функциональных стилей.

2. Чувашский новописьменный литературный язык представляет относительно самостоятельную, отличающуюся от современной и вполне самостоятельную систему. Отличия эти касаются всех составляющих его уровней. В то же время нельзя говорить о противопоставленности двух стадий существования литературного языка, его начальная, стихийная, и современная реализации - звенья одной цепи, границы между ними условны.

3. Популярная научная литература воспринималась в качестве сферы докодификационного существования литературного языка. В то время как художественная и тем более православно-христианская литература представляла язык в образцовом, совершенном виде, стиль популярного научного изложения допускал многовариантность морфологических, словообразовательных и лексических единиц даже в пределах микротекста, был открыт диалектизм и неассимилированным иноязычным вкраплениям, тем самым поддерживал условия творческого изучения возможных литературно-языковых средств.

4. В языковом плане на уровне единиц научный стиль генетически восходит к ЦБС и ХС. Чувашская профессиональная речь, существо-

